Сов. культура 1973, 27 35, 2/V

Борис ЛАСКИН

Катарина и Катерина

рассказ

ПРОЯВИЛ инициативу капитан. За окном еще сверкали огнями пригороды, а он уже сказал:

— Товарищи, нам вместе ехать долго, так что давайте, как говорится, представимся друг другу.

Нас было четверо в купе, и мы познакомились. Соседи узнали, что я врач, а я узнал, что десятое место занимает инженер, одиннадцатое — капитан, а двенадцатое — девушка по имени Рая.

— Это очень кратко — Рая,— сказал капитан.— Для начала нам придется угадать вашу профессию.

— Попытайтесь. — Она улыбнулась едва заметно, одними глазами.

— Мы будет гадать, а вы говорите: «холодно», «горячо», ладно?

Прищурясь, как бы вглядываясь вдаль, капитан посмотрел на девушку.

— Работница часового завода?

— Холодно.

— Стюардесса? — спросил инженер.

— Чуть теплее.

— Та-ак,— капитан поднял руку.— Сфера обслуживания?

— Еще теплее.

— Торговля. ГУМ? «Детский мир»?

— Холодно, — сказала девушка.

— Укротительница хищников?

— Мороз.

— Общественное питание?

— Горячо.

— Порядок! — оживился капитан.

— Артистка,— уже по инерции сказал инженер.

— Горячо!

Капитан был заметно озадачен.

— Довольно-таки странная комбинация получается — искусство плюс общественное питание...

Проводница принесла чай, и в купе завязался разговор — неспешный, типично дорожный. Инженер достал записную книжку и сказал, что каждый раз, приезжая в командировку, он старается выкроить время и побывать в театре, в музее, на выставке. Он завел привычку заносить в эту книжку, где, когда был и что видел. Мы по очереди заглянули в его записи и удивились — как много он успел.

— Я всего лишь второй раз в Москве,— сказал капитан,— мне до вас далеко.

— А приезжие они поактивней москвичей, — заметила Рая.— Мы как рассуждаем? Чего нам торопиться в Третьяковку? Она, вот она, рядом. Успеем сто раз. Зачем рваться в Большой? Никуда он от нас не уйдет.

— Понятно. Значит, вы москвичка...

— Большой театр — он действительно никуда не уйдет,— продолжала Рая,— а вот годы, между прочим, идут, и время уходит.

Я смотрел на Раю, и мне почудилось, что я где-то уже видел эту миловидную сероглазую девушку.

— Вы, значит, доктор? — спросил инженер. Это означало, что на очереди новая тема.

— Да. Но я надеюсь, вы не станете спрашивать — почему, когда вы вот так наклоняетесь, у вас здесь покалывает, а сюда отдает?..

— Нет,— засмеялся инженер,— я просто очень уважаю вашу профессию.

— А вы обратили внимание,— сказал капитан,— что из докторов часто выходят писатели. Возьмите, например, Антона Павловича Чехова. Есть еще Вересаев и другие. Интересно, почему так получается?

— Видите ли...

— Знаете, почему, — сказала Рая,— потому что доктор ближе всех к человеку. Он знает, что у него болит, что он чувствует...

— Возможно, что и так.

— Рая, безусловно, права,— сказал капитан и скромно коснулся ее плеча,— это именно так. Тем более, есть много разных причин, по которым человек обижается и при этом страдает его нервная система. Правильно?

— Конечно,— кивнул инженер.— Вот, например, иной раз зайдешь в магазин или в ателье...

Я смотрел на Раю, увлеченную беседой, и меня не оставляла уверенность, что вижу ее не впервые.

—...Одним словом, в сферу обслуживания, а там продавщица или приемщица глянет на тебя исподлобья, грубо ответит, и в момент у тебя портится и настроение, и самочувствие. Думаешь: не сходить ли к врачу — пусть выслушает, а то и к писателю — пусть напишет...

— Фельетон, да? — сухо спросила Рая.

Тогда я сказал ей:

— Извините, не мог я вас видеть в «России»?

— Да,— ответила мне Рая,— безусловно, могли. Вот я вам сейчас скажу,— она обернулась к капитану,— вы говорите: «Странная комбинация — искусство плюс общественное питание». Я вам сейчас скажу,— повторила она, как видно, обдумывая свою мысль и желая выразить ее поточнее. Она обратилась к инженеру: — Вы помянули недобрым словом сферу обслуживания...

И тут я вспомнил. В прошлый свой приезд я жил в гостинице «Россия», вечером спустился поужинать. Едва я успел сесть за столик, подошла официантка и обслужила меня быстро.

— Я третий год работаю в ресторане «Россия»,— продолжала Рая,— а до этого работала в «Звездочке». Дело прошлое — выговоров и замечаний нахваталась там сверх головы. И что невнимательная бываю, и чересчур резкая, и так далее, и тому подобное. И вот, представьте себе, когда я надумала уже искать другую работу, один клиент, который у нас обедал, говорит: «Я за вами, девушка, давно наблюдаю, у вас необычайно выразительное лицо, вам надо идти в театр или в кино».

Рая помолчала.

— Ну и что же было дальше? — спросил инженер.

— Меня-то вообще давно интересовала самодеятельность. Играла всякие сценки, но только для себя, для подружек, вообще для знакомых. Уже когда стала официанткой работать, часто после закрытия ночной театр устраивала. Интересно — столы сдвинуты, стулья перевернуты, а я на эстраде, где оркестр сидел, представляла разных людей — и сильно занятых, которые не видят даже, что едят, и капризных, и нерешительных, и влюбленных. Я играю, а в зале официанты, повара, судомойки — все на меня смотрят и другой раз просто-таки плачут от смеха...

Того человека, который мне тогда совет дал в театр идти, я всю жизнь буду помнить... Пришла я в Дом культуры и вступила в драмколлектив. Сперва стихи читала современных поэтов и классиков, в одноактных пьесах начала играть. Наш художественный руководитель Лавриков Яков Александрович, заслуженный артист, много с нами занимался. Он нам однажды такую речь сказал: «Моя главная задача — научить вас любить искусство, понимать прекрасное и доставлять людям радость».

Мы слушали Раю и видели — она рада, что ей представился случай поделиться своими заветными мыслями.

— Я считаю, человека можно по-разному воспитывать. Для одного строгость — наилучшее средство. А к другому совсем иной подход нужен, его терпением, уговорами воспитать можно. А вот лично на меня, знаете, кто большое влияние оказал? Каких два человека? Никогда не догадаетесь...

Рая обвела нас лукавым взглядом.

Капитан улыбнулся.

— Можем погадать по системе «холодно» — «горячо».

— Ничего у вас не выйдет. Вы, наверное, скажете: отец, мать. Да, они, конечно, свою долю внесли. Отец — мастер на ЗИЛе, мама на швейной фабрике работает, они хорошие, я у них одна. Помню, когда в газете была заметка — «Звездочку» сильно критиковали, и я там тоже была помянута,— отец ходил черный, как туча, и только одно мне сказал: «Ранса, ты нашу фамилию унизила». Но это давно было. А теперь вы скажите, кто же они, эти два человека, которые меня перевоспитали?..

— Мы их, наверное, не знаем,— сказал капитан.

— Нет, знаете. Уверена, что знаете!.. Одного фамилия — Шекспир, а другого — Островский.

Мы молча переглянулись, а Рая, довольная произведенным эффектом, продолжала:

— Готовили мы в народном театре «Укрощение строптивой», не всю пьесу, отдельные сцены. Мне Яков Александрович доверил роль Катарины и сказал: «Попытаемся создать образ строптивой итальянки на материале своенравной москвички». Это он, конечно, в шутку сказал. И вот наступила премьера, в зале народу полным-полно, родители пришли, отец очень важный был — не подступись: дочь — артистка. В роли Петруччо выступал Слава Темин, шофер-таксист, исключительно темпераментный парень. Если видели «Укрощение строптивой», вы, наверное, помните, Петруччо говорит Катарине: «Сначала стань хорошей», а я в ответ на его слова бросаю ему в лицо:

Я тоже говорить
имею право
И все сейчас скажу: я
не ребенок,
Получше люди слушали
меня;
А не хотите,
так заткните уши,
Уж лучше дать свободу
языку
И высказать, что в
сердце накопилось.

Рая уверенно вошла в образ.

— И потом финал. Я, то есть Катарина, уже совершенно другая, ее не узнать. Помните, что она говорит в финале:

Гнев губит красоту твою,
как голод —
Луга зеленые; уносит
славу,
Как ветер почки. Никогда,
нигде
И никому твой гнев
не будет мил,
Ведь в раздраженье
женщина подобна
Источнику, когда
он взбаламучен
И чистоты лишен
и красоты.

Рая вздохнула и провела рукой по лицу, словно снимая грим.

— А через год Яков Александрович поставил «Грозу» Островского, и опять мне главная роль досталась. Там была Катарина, а здесь Катерина — совсем иная женщина и характер совершенно другой... С «Грозой» интересно получилось. Роль Бориса исполнял Званцев из треста ресторанов, и не только в пьесе, он и в жизни стал за мной ухаживать, но мне это было совершенно ни к чему, потому что любила я другого человека. А Званцев с этим не посчитался и внес в рисунок роли свое личное отношение. Тогда я думаю: ничего, останусь сама собой. И вот, играем мы спектакль. Когда у меня там свидание с Борисом — между прочим, Званцева тоже зовут Борис, он мне говорит: «Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас!» А я ему отвечаю: «Не трогай! Не трогай меня!» После все говорили, что это очень сильно у меня получилось. А дальше, по роли, у Катерины чувство меняется: «Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, как бы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой»... После спектакля Яков Александрович меня похвалил: «Я видел в глазах твоей Катерины и страдание, и любовь. Ты просто молодчина!» Нехорошо, конечно, что я хвастаюсь, но это его слова. И так мне это было радостно. Значит, я все же сумела себя преодолеть, оказалась выше личных отношений...

Рая долго смотрела в окно, потом сказала:

— У нас в ресторане висит доска почета, там есть и моя фотография. Кто-то из наших сказал: «Это тебе, Рая, почет по линии художественной самодеятельности». А я говорю — нет. Ну ведь, правда, какое дело посетителям, которые у нас обедают и ужинают, что я в свободное время выступаю на сцене? Они ж меня не в искусстве ценят, а в жизни, когда благодарности пишут...

Рая замолчала.

Мы тоже молчали. Мы открыто любовались ею, и мне вдруг показалось, что шумят аплодисменты, что я сижу в зрительном зале, а на авансцене, взявшись за руки и улыбаясь, кланяются — неукрощенная, полная огня Катарина и прекрасная Катерина — нежная и, по роли, печальная.